

Часть I

Глава 1

Прекраса стояла посреди бани, на расстеленной своей старой рубашке, и светло-русые мокрые волосы окутывали ее до середины бедра. С концов их стекала вода, и обнаженная девушка сейчас напоминала русалку, едва вышедшую из родной стихии.

Две женщины, самые знатные в Холмогороде, лили княжеской невесте на голову теплую воду и приговаривали, подхватывая одна за другой:

- Мать-Вода!
- Государыня-Вода!
- Течешь ты по камушку белому!
- Омываешь крутые берега!
- Мать-Вода!
- Государыня-Вода!
- Не теки ты по камушку белому!
- Не омывай крутые берега!
- А ты омой Прекрасу, Хрокову дочь!
- Смой с нее страсти и болясти, худые оговоры!
- И нареки ей имя...

...Готовясь к завершающим свадебным обрядам, молодой князь Ингер точно знал, какое имя должна носить будущая госпожа его дома.

— Это имя моей матери, и моя жена получит его вслед за ней, как ее наследница, такая же полноправная хозяйка всего, чем владел мой отец, мой дядя Ельг и чем буду владеть я, — уверенно отвечал он тем, кто сомневался в верности этого реше-

ния. — Ельга — имя истинной госпожи, жены и матери князей, и она примет его, входя в мой дом.

— Так-то оно так... — отвечали ему двое бояр, Братимил и Светлой.

Кияне приехали за Ингером из далекой земли Полянской, чтобы сообщить ему о смерти брата его матери, Ельга Вещего, и позвать на опустевший, оставленный ему киевский стол.

— Но в Киеве уже есть Ельга, дочь князя нашего. Сам отец ее нарек. К чему будут в городе две госпожи одинаково зваться? Возьми хоть имя матери ее покойной или бабки. Ольведа или Придислава — разве плохо?

— Княгиней в Киеве будет не сестра моя, а жена, — невозможно, но твердо возражал Ингер. — Сестра выйдет замуж — вы ведь говорили, она уже взрослая? И тогда в нашем роду останется только одна Ельга — моя жена.

— И так среди киян... смущение может выйти, что ты супругу простого рода взял, а тут еще имя княжеское ей даешь... — осмелился намекнуть Братимил.

— Моя невеста не родилась в знатной семье, и я сам должен дать ей знатность, — Ингер прочно стоял на своем. — Она спасла мою жизнь и тем стала мне дорога, не менее чем была мать. Она наделена от богов мудростью и волшебными умениями, и ей по праву должно принадлежать имя, которое носили в древности правительницы и валькирии. Она станет равной им всем и не уступит ни одной из тех, о ком сложены сказания.

Киевских бояр поддерживал даже Ивор, Ингеров воспитатель. Но восемнадцатилетний князь вышел победителем в споре — никто не имел власти оспаривать его волю, а он хорошо знал, чего хочет.

— И нареки ей имя... — приговаривали по очереди Ольсева и Мирорада, жены знатнейших холмогородских бояр.

В длинных белых сорочках, тоже с распущенными волосами, они напоминали двух судениц, Макошиных помощниц, вынимающих новую душу из облачного колодца. Одна — Доля, другая — Недоля, счастье и беда, рука об руку идущие с человеком через всю его жизнь.

— Ельга Прекрасная...

— Ельга Прекрасная...

Девушка стояла, закрыв глаза и чувствуя, как потоки воды омывают ее с головы до ног, как будто она только сейчас вышла из материнской утробы. С водой уносится прочь вся ее прошлая жизнь. Нет больше Прекрасы с Хрокова двора. Теперь ее зовут Ельга, и она не дочь варяга-перевозчика с реки Великой, а жена Ингера, владыки Холмогорода, а в недалеком будущем и Киева. У нее больше нет другого рода и родичей, кроме князей холмогородских. Совсем недавно она уехала из дома простой девушкой, но еще до начала зимы вступит в столицу земли Русской как ее полновластная госпожа. Княгиня Ельга.

И если кто-то в Киеве не готов к этой встрече, то пусть побережется.

* * *

В тот весенний день Прекраса кормила кур, когда во двор прибежал Гунька, ее младший брат.

— Отец сказал... князь из Холмогорода едет! — выпалил он, задыхаясь. — Иди... посмотри... если хочешь.

От неожиданности Прекраса всплеснула руками и чуть не уронила деревянное корытце.

— Ох ты! Гунька, да что ж ты, шиш беспортошный! Напугал!

— Сама такая! Не хочешь — не ходи.

— Кня-азь? — недоверчиво повторила Прекраса, пытаясь понять, о чем речь. — Не наш?

— Да не! Из Холмогорода, говорю же! — от нетерпения десятилетний Гунька приплясывал на месте. — Ну, идешь?

И в летнюю пору — по воде, и в зимнюю — по льду мимо Выбут часто ездили люди: здесь лежал путь с юга и запада к Плескову, стольному городу северных кривичей. От выбутских порогов до него оставалась половина днища — дневного перехода. Выйти поглядеть на проезжающих было излюбленным развлечением жителей, и потом, бывало, еще долго судили: кто был каков, как одет, у кого какие лодьи (а зимой — лошади), что везли, какие новости рассказывали, кто чего купил или продал. Не менее двух раз в год мимо Выбут проезжал и князь плесковский, когда отправлялся в гощение, а потом возвращался назад. Иной раз даже заходил к ним в избу — Хрока, отца Прекрасы и Гуньки, князь Стремислав знал с давних пор, еще до его женитьбы. Поэтому своим князем Прекрасу было

не удивить, хотя и на того она не отказалась бы глянуть. А тут какой-то чужой! Из Холмогорода!

— Я сейчас!

Прекраса сунула корытце на дрова, отряхнула руки, оглядела себя и побежала в избу — взять поневу. Шел только месяц травень, но было так тепло, что она вышла на двор в одной сорочке с пояском. Но на люди так идти не годится — взрослая дева, уж две осени как замуж можно.

— Там князь из Холмогорода едет, отец прислал сказать. Можно я схожу посмотрю? — запоздало спросила она у матери, что стряпала пироги.

— Прямо целый князь? — обернувшись, усмехнулась Гуннора. — Ну, сходи погляди.

Прекраса торопливо завернулась в поневу и, на бегу завязывая гашник, устремилась наружу. Выбуты стояли над длинной мелью на реке Великой, где не проходили лодьи; здесь их вытаскивали и на катках тянули дальше, за каменистый брод, пока через три версты не начнется снова глубина. Переправой лодий на катках заведовал отец Прекрасы — человек князя Стремислава, поэтому он всегда знал, кто и куда направляется.

На ходу расправляя поневу, Прекраса вышла к реке и остановилась возле стайки местных жителей, у крайнего выбутского тына. Великая, главная река плесковского племени, была здесь широка, но мелка; белая пена бурлила среди синей глади у краев каменных плит. День и ночь здесь стоял шум неистовой воды. Под ярким солнцем поверхность искрилась, колола стекляннным блеском, и Прекраса поднесла ладони ко лбу.

Сразу бросилась в глаза незнакомая толпа — с два десятка человек, все мужчины, хлопотали возле двух больших лодий, перетаскивая поклажу на берег. Весла уже лежали на возах, запряженных волами: эти повозки и животные принадлежали князю, а надзирал за ними отец Прекрасы. Девушка окинула чужаков быстрым пытливым взглядом. Она никогда не видела никаких других князей, кроме своего, Стремислава плесковского, и очень хотела узнать, какие бывают князья в других землях.

Князь — основа всего своего рода-племени, корень его и дух. Старший потомок пращура-прародителя, он ведет свой род напрямую от Перуна. Всякую осень князь с малой дружиной обходит свою землю, посолонь, как само солнце, замыкает

благодетельный охранительный круг. Он благословляет нивы и стада, приносит жертвы богам, поднимает чары на дедов, чтобы не прерывалась связь пращуров и правнуков, чтобы множились роды плесковские. Как и все, Прекраса привыкла видеть в своем князе создателя и хранителя земли. Весь белый свет, как она его себе представляла, принадлежал ему, Стремиславу. А за сумежьем¹ лежало Окольное — чужие страны, граничащие с самой Навью. И так чудно было увидеть князя чужой страны — все равно что солнце чужого, неведомого мира.

Но ведь они есть где-то, эти чужие страны. Словенская сторона в Приильмене, чудская земля за Чудским озером, варяжские страны, из которых когда-то давно пришли деды и отца ее, и матери. А еще больше этих стран было в сказаниях, которые она слушала по зимам. Дед Пирята знает предания и про Греческое царство, что лежит на полудень в такой дали, что туда года три добираться... И везде свои князья. Каковы же они?

Среди занятых работой отроков в пропотевших серых рубахах выделялось несколько человек. Двое-трое не таскали мешки, а стояли с хозяйским видом, переговариваясь. Возле них был и отец — высокий, худощавый, с черной бородой, издали бросавшейся в глаза. За рост, худобу и темные волосы плесковские варяги ему с юности дали прозвище Хрок — Грач, а настоящее имя его, Эйфрид, уже почти забылось. Прекраса радовалась тайком, что уродилась в светловолосую мать. Имя ей, как первенцу родителей, поначалу дали отцовское — Эйфрида, однако матери так часто приходилось объяснять соседкам-славянкам, что это имя означает «прекрасная», что дочь ее стала Прекрасой еще до того, как сама научилась говорить.

Двое других, стоявших возле отца, Прекрасе были незнакомы. По виду ничего особенного: один в серовато-зеленом варяжском кафтане, другой в белом, некрашеном. Тот, что был одет поярче, стоял к Прекрасе лицом: рослый мужчина лет пятидесяти, уже немного огрузневший, с округлым животом, с крупными чертами лица и темной полуседой бородой. Некоторая полнота придавала его широкоплечему стану еще больше внушительности. Густые темные брови были изогнуты над строгими глазами,

---

¹ Сумежье (от слова «межа») — пограничье между своими краями и чужими.

губы с опущенными краями добавляли суровости, и даже в том, как он стоял, немного откинувшись назад и засунув за пояс большие пальцы, сказывалась привычка повелевать и быть на виду. Больше ничего особенного Прекраса в нем не углядела, любой торговый гость мог бы выглядеть так же. Ну, понятно же, сказала она себе, стараясь одолеть разочарование. В дорогу кто же наряжается? Вот доедет до Стремислава, там будет и красный плащ с золотой сустогой¹, и меч в золоте.

— Ну, он ничего так, — улыбнулась она, — вида основательного. И не совсем старый еще...

Стремислав плесковский был постарше, и хотя еще не одряхлел, как-то весь выцвел и дряблой своей бледной кожей напоминал Прекрасе о лягушачьем брюшке.

— Не туда ты смотришь, чащоба! — хмыкнул Гунька. — Не этот — князь. А вон тот — князь! — он показал рукой. — В белой сряде который!

Словно услышав их — хотя плотный шум воды над порогами помешал бы, даже стой они куда ближе, — второй собеседник обернулся.

От неожиданности у Прекрасы оборвалось сердце, по всему телу разлилась дрожь. Этот, в белом кафтане, был совсем юн — на два-три года старше нее самой. Потом он снова отвернулся, но она уже не сводила глаз с его спины, будто завороченная.

— Но как же он... — едва владея своим голосом, пробормотала она, — отрок же еще совсем, как же он... князь?

Как может быть отцом целому племени тот, кто сам еще едва ли не нуждается в отцовской заботе?

— Так отец его за Сварожичем ушел² уже... когда? — призадумался старый Пирята, стоявший возле нее. — Уж зимы две либо три... А родни другой у них нет. Я слыхал, как бывал в Холмогороде. Вот он и сел сам на стол тамошний. А тот боярин — кормилец его, заместо отца покуда. Имя у него варяжское какое-то, запомнил я...

Лодьи тем временем разгрузили, вынесли из воды и поставили на катки. Чтобы не мешать, двое старших отошли и вместе

---

¹ Сустога — застежка (иначе фибула), обычно в виде кольца с иглой.

² За Сварожичем (огнем) уйти — умереть, метафора погребального обряда через сожжение.

с Хроком двинулись следом за лодьями. Толпа выбутских жителей — по большей части женок, отроков и детей, — тоже потянулась следом. Перенос лодий через отмель был привычным, но неизменно любимым развлечением в здешних местах.

Заметив движение толпы, почтительно не подходившей слишком близко, отрок в белом кафтане снова обернулся и оглядел жителей. Улыбнулся и приветственно махнул им рукой. Ему ответили: иные из баб поклонились, дети радостно закричали. Одна Прекраса стояла не шевелясь. Беглый взгляд его опалил ее, перехватило дыхание, будто молния сверкнула прямо перед глазами.

Теперь он был поближе, и она могла разглядеть его лучше. Отрок лет восемнадцати был высок, еще по-юношески худощав, но уже было видно, как красиво стан его сужается от широких плеч к тонкому поясу. Продолговатое лицо с тонкими чертами, нос великоват, но ровно и красиво вылеплен. Большие серые глаза смотрели немного исподлобья, осененные черными и густыми, как у девы, ресницами и ровными русыми бровями. Шапки на нем не было, и волосы, тоже русые, подстриженные до середины ушей, были опрятно расчесаны на прямой пробор и двумя мягкими волнами красиво обрамляли высокий лоб, наводя на мысль о крыльях.

От восхищения Прекраса едва могла вдохнуть. Вот теперь она видела настоящего, истинного князя из сказаний! Того самого, что дойдет хоть до неба и выведет из золотого терема Солнцеву Сестру. Именно таким он и должен быть. Не зря она всегда в глубине души полагала, что бледный и дряблый их Стремислав — досадная ошибка, подделка, недостойная своего звания.

Всякий истинный князь ведет свой род от богов, и божественная кровь дает ему все — ум, красоту, удаль, отвагу, вежество, удачу. Все это имелось в холмогородском князе, и юность только подчеркивала остальные дары. Казалось, вместо крови в жилах его течет солнечный свет, и оттого сияние одевает его лицо, весь стан до самых черевьев. И даже черевья его ступали по траве с особой значительностью, будто благословляя своим касанием каждую былинку.

Прекраса глядела ему в лицо, и в груди ее разрасталось какое-то белое пламя. Оно растекалось по жилам, наполняя жаром и дрожью, восторгом и болью. Само солнце в человеческом облике

не могло быть прекраснее. Хотелось идти за ним, как за солнцем, ни о чем не думая, ничего не желая — только видеть его и греться в его лучах, как цветок на зеленом лугу.

Под выкрики две лодьи дружно толкали вперед; из-под кормы забирали катки, переносили вперед и подкладывали под нос. Это все Прекраса видела уже сотни раз и теперь замечала только молодого князя. Вместе со своим боярином он неспешным шагом следовал за лодьями, мимо череды полосатых камней, где Великую переходят вброд, мимо длинных гряд за плетнями, уже засеянных репой, морковью и бобами, мимо белых и черновато-серых коз, пасущихся среди валунов. В отдалении за ними брела стайка любопытных. Глядя только в спину молодого князя, Прекраса опередила всех; сама того не замечая, она шла за ним шаг в шаг, невольно подстроившись под его неспешную походку.

С каждым шагом она волновалась все сильнее. Дрожь не унималась, от нее слабели ноги, теснило дыхание, а сердце как будто сжимала жесткая рука. Подумалось: а что, если отец перед дальнейшей дорогой пригласит знатных гостей отдохнуть в избе? До Плескова еще полперехода, и те, кто перед ним больше не делает остановок, бывают рады подкрепиться. Что, если они сейчас повернутся и вместе с отцом пойдут назад? К ней? И он увидит ее? А потом ей велят подавать на стол для гостей? Эта мысль так ее испугала, что Прекраса чуть не бросилась бежать прочь от берега. Но никто на нее не смотрел, князя и его боярина занимали только их лодьи.

Вот и конец мостков — там лодьи вновь спускали на воду. Отроки стали разгружать возы с поклажей. Князь снова разговаривал с отцом Прекрасы; развязал мешочек на поясе, вынул что-то, передал — плату за помощь в прохождении порога. Здесь все платят, но обычно частью своего груза. Кто крицу железную даст, кто репы мешок, кто зерна. Отсюда и сегодняшние материны пироги — гости проезжали, везли жито в Плесков, дали полмешка, а так по весне запасов нет ни у кого. Но у людей из Холмогорода никакого товара с собой не было, только дорожные пожитки. Видимо, не торговать они ехали. А зачем? Может, отец знает? Прекраса с нетерпением ждала, когда отец простится с гостями и вернется домой, чтобы можно было его расспросить.

Отроки уже почти все в лодьях. Вот они прощаются. Отец что-то говорит, показывая вперед по течению. Князь кивает,

улыбается... У Прекрасы сладко защемило сердце — как он хорош от этой улыбки! Вот он махнул рукой... перескочил в лодью, прошел назад, на корму, где трепещет на высоком древке небольшой красный стяг, и сел возле кормчего. Отец махнул им вслед, и лодьи двинулись вниз по реке, к Плескову.

В груди похолодело. Это все! Он уехал, и больше ей его не увидеть! Невольно Прекраса сделала несколько шагов вдоль берега, будто пытаясь догнать уходящее солнце, но опомнилась. Не бежать же за ними. Да и что увидишь? Лодьи отходили дальше от берега, на ширину реки, и вот уже лишь пятно его кафтана смутно белеет вдали.

Вот пропало среди солнечных бликов на воде и оно. Прекраса опустила веки, зажмурилась. Только сейчас поняла, как устали глаза. Под опущенными веками бродили огненные пятна, будто отражая жар ее сердца, а в мыслях она продолжала видеть молодого князя, вглядывалась в оставшийся в памяти образ. Он был внутри нее, заполонил все пространство в душе, и это пространство вдруг оказалось очень большим. Она сама, с этим образом внутри, как будто стала больше.

— Ты чего? — раздался рядом знакомый голос. — Заснула на ходу, что ли?

Прекраса открыла глаза. Возле нее стоял отец и слегка хмурился.

— А что он тебе дал? — Прекраса жадно взглянула на отцовский кулак, в котором было зажато что-то маленькое.

— Да вот, — Хрок раскрыл мозолистую ладонь, и Прекраса увидела четвертинку серебряного кружка-ногаты.

— О-о! — она взволнованно охнула и с трепетом взяла кусочек серебра.

Ногата была старая, стертая, печать едва видно. Но ей казалось, осколок самого солнца она держит в пальцах — ведь только что его касался *он*! Он привез сюда этот кусочек серебра, тот лежал в кошеле на его поясе, согретый теплом тела... Прекраса содрогнулась, будто ощутив это чужое, но такое желанное тепло. Она сжала обрубок ногаты в кулаке и приложила к сердцу. Хотелось запрятать его туда, внутрь, и носить в своей груди всю жизнь!

Отец засмеялся и забрал у нее плату — это княжье. Прекраса с неохотой разжала пальцы, но тут же вспомнила еще кое-что.

— Батюшка, а он... он сказал...

— Что? — отец поднял косматые черные брови, не понимая, что нашло на его единственную дочь. — Ты о ком?

— Ну, он... князь... это же князь был холмогородский? Который молодой... мне Гунька сказал...

— Да, это князь. Я за тобой и послал, думал, тебе любопытно будет глянуть.

— Как его зовут? Он сказал?

— Боярин сказал. Да я и сам знал.

— Ну?

— Ингер его зовут. Хрориков сын.

Прекраса выдохнула и больше ничего пока не спрашивала. Ей требовалось время, чтобы уместить в своей груди и это со-кровище — его имя.

Хрок повел ее домой, радуясь, что больше дочь не задает вопросов. Кое-что из речей молодого князя его встревожило, но он еще не решил, стоит ли с кем-то делиться.

* * *

Молодой князь Ингер и сам дивился судьбе, что послала его в дорогу — и это было лишь начало. До того он не удалялся от Холмогорода далее чем в Ладогу в низовьях Волхова, но для него это была «своя земля»: Ладога хоть и не платила дань Холмогороду, но не имела своего князя, и туда Хрорик, как его отец и дед, ходил в гощение. Граница владений между словенами ильменскими и плесковичами проходила по Узе, притоку Шелони: на Шелони еще встречались старые, дедовых времен, округлые могильные сопки, а далее на запад — только длинные курганы, как насыпают для своих мертвых кривичи. В чужой край Ингер вступал с неуютным чувством неуверенности, будто солнце, вынужденное спускаться в Подземье. Чудилось, что здесь и земля не такая, и вода не такая, и само небо уже какое-то другое... Но делать нечего — приходилось привыкать. Успокаивало присутствие Ивора — два года назад тот уже ездил этим путем, да и вообще был человек бывалый. Потому Хрорик и выбрал его в кормильцы своему последнему, позднему сыну — единственному, кто остался в живых ко дню смерти отца.

Без боярина Ингер не справился бы — слишком нелегкая доля ему выпала. Через Приильменье проходили дальние торговые пути на юг и на восток, освоенные варягами лет полтора назад. Если не лгали родовые саги, то уже двести лет — десять поколений — варяги жили в Ладого, постепенно проникая оттуда дальше на юг. Хрорик Старший, прадед Ингера, происходил из потомков знаменитых конунгов Харальда Боезуба и Хальвдана Старого. Он пришел с Варяжского моря и занял место, с которого словенами были изгнаны слишком жадные конунги свеев. При Хрорике Старшем словене получили защиту от набегов с Варяжского моря, оживилась торговля, в которой словенские девы и отроки больше не оказывались в перечне товаров, увозимых в сарацинские страны. Зато сами словене теперь порой снаряжали по зимам дружины для набегов на чудь, а захваченный полон при посредстве Хрорика сбывали его товарищам-варягам для продажи на юг. Хрорик и его люди не раз и возглавляли эти походы, укрепляя связи пришлого вождя и местных старших родов.

Перед смертью Хрорик-внук собрал всех окрестных старейшин в святилище Перынь и взял с них клятву, что они признают своим князем его единственного сына. На самом деле, как понимал Ингер, все эти два года Поозерьем правили сами старейшины, а Ивор направлял их в нужную сторону, если они никак не могли договориться между собой. Все изменится, когда он возмужает, утешал себя молодой князь. Глупо же надеяться, что отцы и деды старинных родов будут повиноваться безумому отроку, у которого лишь два поколения предков погребены в этой земле, а прадеды — где-то за морем. По сравнению со здешними родами, живущими в этих краях лет по пятьсот, его род был что двухлетнее чадо перед седыми старцами.

Когда выбутские пороги остались позади, Ингер тайком вздохнул с облегчением. До Плескова оставалось менее половины перехода, и следующую ночь холмогородская дружина проведет уже под крышей, возле печи. Тепло поздней весны позволяло печь в доме не топить, избегая дымной горести, но где печь — там чуры, и если ты принят под чужой кров как гость, то можешь не бояться... пришельцев из Нави.

Ту ночь, что предшествовала приезду холмогородцев в Выбуты, они провели под открытым небом. Поставили три шатра,